

А.А. Бронников

Современные методологические подходы в постсоветской историографии Сибири

Современное развитие российской исторической науки основано на идеях междисциплинарного синтеза и методологического плюрализма, характеризуется критикой формационного подхода, освоением западного научного потенциала и осмыслением познавательных возможностей неклассического гуманитарного знания. Данные проблемы актуализируются в деятельности томской историографической школы профессора Б.Г. Могильницкого, в работе новосибирского центра философии истории под руководством Н.С. Розова, а также в историко-культурологических исследованиях омских ученых.

В оценках формационной теории сибирскими обществоведами доминируют два основных подхода. Первый основан на реабилитации ортодоксальной советской методологии истории и критике западных учений [1, с. 19]. Второй отстаивает ценности классического учения К. Маркса и возможности его интеграции с другими теориями [2, с. 25]. Наиболее часто формационные модели сопоставляются с цивилизационным подходом. Однако синтез противоположных по своей сути концепций не может привести к существенным научным достижениям и остается декларативным. На современном этапе сторонники марксистской методологии видят значимость формационного учения прежде всего для исследования социально-экономической истории Сибири и указывают на позитивный длительный опыт ее использования [3, с. 12–14].

Линейная теория исторического развития в историографии Сибири представлена также модернизационной концепцией. Общеисторическое, основанное на полидисциплинарном и кросскультурном анализе понимание модернизационных процессов предлагают ученые томской историографической школы, в частности И.Ю. Николаева. Модернизация в данном контексте определяется как изменение психосоциальных комплексов индивида в отношении власти и общества, которое является главным двигателем эволюционных преобразований [4, с. 265].

Идея прогрессивного развития общества от традиционной до постиндустриальной стадии дает сибирским ученым широкие возможности изучения истории региона. В частности, предпринимаются успешные попытки адаптации положений теории для исследования особенностей экономической модернизации Сибири и региональных историко-демографических процессов.

Среди наиболее интересных работ следует отметить исследования барнаульского историка Ю.М. Гончарова, посвященные истории сибирской городской семьи. Методологической базой данных исследований является классическая трактовка модернизма с ценностями современной личности, признанием гражданского общества, рыночной экономики и малой демократической семьи. Автор вводит в научный оборот ряд теоретических положений российских историков Б.Н. Миронова и А.Г. Вишневого. В частности, Ю.М. Гончаров использует идею А.Г. Вишневого о демографически-семейной модернизации, в которой модернизация семьи влечет за собой общую демографическую эволюцию общества. Проанализировав большой объем источников в русле выбранной методологической стратегии, автор делает вывод о том, что модернизационные преобразования были более сильны в городах Сибири. Миграция в города вела к росту рождаемости, однако традиционная модель поведения не позволяла обществу полноценно осваивать новую демографическую ситуацию, следовательно, модернизационные процессы оставались незавершенными, а конфликт между традиционализмом и новаторством углублялся. Ю.М. Гончаров делает вывод, что традиционные ценности являлись причиной отставания модернизации Сибири и России в целом [5, с. 191].

Другим интересным источником являются работы барнаульской исследовательницы Т.К. Щегловой, посвященные истории ярмарок юга Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Ценностью этих исследований является акцент на сугубо частном аспекте концепции модернизации – развитии форм товарообмена и организации структуры рынка. Данная методологическая проблема является нерешенной, в отечественной историографии существует два подхода ее решения. Первый основан на том, что модернизация постепенно изменяет формы торговли вертикально – от архаичных развозно-разносных к развитым стационарным и от меновых к биржевым. Второй подразумевает, что модернизационный процесс включает в себя сразу все многообразие форм торговли. Автор ставит новаторскую задачу выявления связи между уровнем развития форм торговли и темпами модернизационных процессов в Сибири [6, с. 231].

Исследование новосибирского историка А.А. Николаева, изучающего роль маслодельной кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода,

также отличает положение об отставании модернизационных процессов в системе кооперации, вызванное господством традиций [7, с. 24]. Таким образом, данные историографические источники основаны на положении о догоняющем характере модернизации и тормозящей роли традиций.

Однако в историографии Сибири существует ряд исследований, основанных на идеях о ведущей роли традиций в процессе модернизации, признании и учете национальных, религиозных и культурных особенностей. Среди сибирских обществоведов наиболее подробно данные идеи разработаны новосибирской исследовательницей Л.Б. Ус. Изучая влияние модернизационных процессов на формирование менталитета сибирского горожанина, она пришла к интересным выводам о том, что идеи коллективизма, соборности и общинности обеспечили сибирским купцам успешность, а модернизирующейся экономике Сибири – ускорение развития [8, с. 62]. Таким образом, данная концепция широко используется для изучения социально-экономической истории и выступает своеобразной альтернативой формационному подходу.

Цивилизационная модель в историографии Сибири представляет собой своеобразный и эклектичный синтез различных цивилизационных теорий XIX–XX вв., среди которых сибирские историки активно обсуждают теории Н.Я. Данилевского и А.Д. Тойнби [9, с. 18]. Некоторые обществоведы, косвенно продолжая историографическую линию областников XIX в., делают попытки общетеоретического осмысления данной концепции, пытаясь представить исторический процесс в регионе как развитие особой сибирской духовно-экологической цивилизации. В качестве ее базовых оснований декларируются синтез западной и восточной культур, православные ценности, уникальные природные условия и особый тип менталитета жителей Сибири [10, с. 47].

Большинство исследователей акцентируют внимание на конкретных проблемах применения цивилизационной концепции, считая главным препятствием неопределенность основных понятий и поливариантность трактовки термина «цивилизация» [11, с. 4]. Наиболее продуктивным представляется сейчас мнение российского исследователя Б.А. Ерасова, предложившего использовать понятие «социокультурный

код», которое включает в себя набор качественных признаков цивилизации, таких как историческая трансляция общественных ценностей, осознание принадлежности к определенной социальной группе и типу менталитета [12, с. 33].

Тем не менее цивилизационный подход в сибирской исторической науке, на наш взгляд, ввиду слабой конкретизации основных категорий используется больше не как познавательная парадигма, а как популярная риторическая стратегия. В перспективе итогом осмысления данной теории должен стать продуктивный вариант ее адаптации.

В историографии Сибири следует отметить ряд новых тенденций, связанных с историко-культурологическими исследованиями. В частности, омскими историками разработана теоретико-методологическая основа для изучения городской культуры конца XIX – первой половины XX в. В результате традиционный культурологический подход был дополнен такими важными понятиями, как «культурно-цивилизационный ландшафт» и «культурное пространство» [13, с. 23–48].

Современное гуманитарное знание переживает комплекс качественных изменений, связанных с переходом от классической к не- и постнеклассической научной парадигме. В историографии Сибири данными проблемами занимаются авторы, изучающие возможности адаптации неклассических подходов, в частности, синергетической парадигмы, для анализа различных видов источников [14, с. 192–193]. Междисциплинарный синтез привел к возрождению интереса к исторической психологии и ее направлению – психоистории. Некоторые исследователи отмечают, что классический психоанализ З. Фрейда, как и ветви неофрейдизма, вполне приемлемы в методологическом багаже сибирского историка [15, с. 9].

Таким образом, современная ситуация в методологии историографии Сибири характеризуется активной критикой формационного подхода, развитием идей цивилизационной концепции и использованием модернизационной теории для изучения ряда социально-экономических сюжетов. Неклассические тенденции проявляются прежде всего в анализе синергетической парадигмы, а также в разработках положений исторической психологии.

Библиографический список

1. Гушин, Н.Я. Критика буржуазных концепций истории советской сибирской деревни / Н.Я. Гушин, В.А. Жданов. – Новосибирск, 1987.
2. Старцев, А.В. Русская торговля в Монголии во второй половине XIX – начале XX в. / А.В. Старцев. – Барнаул, 2003.
3. Назаров, В.В. Историческая наука и методология исследования: проблемы и комментарии / В.В. Назаров // Проблемы истории Сибири накануне XXI в. : материалы

Дуловских чтений 2000 г. – Иркутск, 2000.

4. Николаева, И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного / И.Ю. Николаева. – Томск, 2005.

5. Гончаров, Ю.М. Модернизационные процессы в сибирской городской семье во второй половине XIX – начале XX веков / Ю.М. Гончаров // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. мат. к конф. – Новосибирск, 2003.

6. Щеглова, Т.К. Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и Степного края в период капиталистической модернизации XIX–XX вв. / Т.К. Щеглова // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. мат. к конф. – Новосибирск, 2003.
7. Николаев, А.А. Маслодельная кооперация Сибири в конце XIX – начале XX веков / А.А. Николаев // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. мат. к конф. – Новосибирск, 2003.
8. Ус, Л.Б. Влияние модернизационных процессов на формирование менталитета сибирского горожанина (на примере г. Новониколаевска) / Л.Б. Ус // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. мат. к конф. – Новосибирск, 2003.
9. Литягина, А.В. Городское самоуправление Западной Сибири конца XIX – начала XX веков / А.В. Литягина. – Бийск, 2001.
10. Иванов, А.И. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы / А.И. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. – Барнаул, 2001.
11. Ивонин, А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. / А.Р. Ивонин. – Барнаул, 1996.
12. Ерасов, Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Б.С. Ерасов. – М., 2002.
13. Рыженко, В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования / В.Г. Рыженко. – Екатеринбург ; Омск, 2003.
14. Кладова, Н.В. Следственные дела репрессированных: исторический источник в постнеклассической научной парадигме / Н.В. Кладова // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – н. XX вв.). К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина. – Новосибирск, 2002.
15. Ахметов, В.В. Психоисторический портрет / В.В. Ахметов // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых : сб. научн. ст. аспирантов ОмГПУ, ОмГТУ, СГПИ. – Омск, 2002.